

Жизнь и необычайные приключения писателя Войновича

(рассказанные им самим)

Глава сорок вторая

Стихи на женском валенке

Не жизнь, а просто курорт

Общежитие превзошло все мои ожидания. Четырехэтажный дом, построенный под госпиталь, но не допущенный к эксплуатации какой-то комиссией, под рабочее общежитие вполне подходил. Широкие коридоры, просторные, больше тридцати метров, комнаты, в каждой по восемь человек. Удобные никелированные кровати, чистая постель, своя тумбочка и общий обеденный стол. Кухня на несколько комнат. Газовую плиту я видел первый раз в жизни. Везде, где жил раньше, еду готовили либо на плитах, либо на примусах и керосинках. То, другое и третье требовало хлопот. А здесь краник повернул, спичку поднес – и, не успев отвернуться, вода уже закипела. Чудо!..

Если среди читателей моих воспоминаний есть кто-нибудь, кто живет в доме 13 по Аптекарскому переулку в Москве, знайте – он построен при моем скромном участии.

Прохладным сентябрьским утром, в своем старом солдатском бушлате и сапогах, я явился к месту своей будущей работы. Увидел деревянный забор и ворота с фанерной табличкой: «Строительство жилого дома ведет прораб т. Сидоров». За воротами, у только что, видимо, вырытого котлована, – прорабская, сооружение вроде сарая. В ней сквозь клубы дыма я разглядел расположившегося за столом упитанного человека в лохматой кепке и рабочих, сидевших на корточках вдоль стен и куривших. Человек в кепке был прорабом. Я протянул ему направление из отдела кадров.

– Хорошо, – сказал прораб, – сейчас пойдем таскать кирпичи в котлован.

– Какие кирпичи?! – оскорбился я. – Я плотник пятого разряда.

– Да, вижу, – согласился прораб. – Высокий специалист. Но у меня все высокие. Каменщики, монтажники, сварщики, маляры – и все работают в котловане.

Ровно в восемь бригадир Плешаков дал кому-то из рабочих молоток и сказал:

– Пойди вдарь.

Тот вышел; ударил молотком в висевший на столбе кусок рельса. Это был сигнал к началу работы. Никто не сдвинулся с места, продолжая курить. Но через несколько минут, докурив, стали все-таки подниматься. Плешаков разбил всех попарно, каждому дал брезентовые рукавицы и каждой паре вручил носилки. Мне достался высокий напарник, и я подумал, что мне с ним будет трудно работать: когда люди разного роста, главная тяжесть достается тому, кто пониже. Груда кирпичей, наполовину битых, лежала у прорабской. Мой напарник положил на носилки четыре кирпича и сказал:

– Ну, пойдем!

Я сказал:

– Почему так мало? Давай еще положим.

Он на меня посмотрел удивленно:

– А тебе что, больше всех нужно?

Я посмотрел на пару, уже шедшую к котловану. У них тоже лежали на носилках четыре кирпича. Я спорить не стал. Снесли мы четыре кирпича по деревянным сходам в котлован, сбросили их в кучу, напарник перевернул носилки вверх дном, превратив их в скамейку.

– Садись, – сказал, – покурим.

Покурили. Поднялись вверх, спустились с четырьмя кирпичами, опять закурили. И так весь день.

Я был потрясен. После работы на железной дороге тут – просто курорт.

Исповедь неудачника

Большинство членов литобъединения «Магистраль» были молодые люди, подававшие надежды. Большинство составляли пожилые, надежды потерявшие. Молодых и талантливых, стоило им объявить о своем желании почитать на занятиях стихи или прозу, Левин тут же вносил в календарь, и практически каждый мог рассчитывать время от времени на свой творческий вечер с последующим обсуждением. Пожилых графоманов Левин выпускал редко, неохотно и никогда в одиночку. Среди пожилых выделялся некто по фамилии Любцов. Он всегда рвался

ГЕННАДИЙ НОВИЦКИЙ

Как я мог жить в таких условиях, сейчас даже не могу себе представить. Но как-то жил. Днем работал, вечером писал стихи. Ставил перед собою, наподобие стола, валенок жены, клал на валенок амбарную книгу в твердом переплете – и уплывал от реальности так далеко, что не замечал хождения соседей и хлопанья дверей со стороны то правого, то левого уха...

выступать, но каждый раз это кончалось насмешками и совершенно разгромной критикой молодежи. Любцов жил, как и я, в районе Разгуляя. Как-то снежным вечером после занятий он увязался за мной. Для начала он предрек мне большое будущее:

– Я знаю, поверь. До войны я учился в Литинституте и предвидел многие карьеры. Когда увидел Костю Симонова, сразу сказал, что он будет большим поэтом. Когда познакомился с Ритой Алигер – то же самое...

Предсказав и мне небо в алмазах, он стал жаловаться на собственную жизнь. В отличие от однокашников, Любцов карьеры не сделал. Он был настолько поглощен писанием стихов, что где бы ни работал, отовсюду его выгоняли. Жена, которую он когда-то соблазнил умением писать в рифму, в конце концов ушла от него вместе с ребенком и теперь знает его не хочет. Выросшая дочь тоже встреч с ним избегает.

Вернувшись домой, я написал стихи: «Был вечер, падал мокрый снег, / и воротник намок. / Сутило плечи человек / и папиросы жег. / Он мне рассказывал о том, что в жизни не везет. / Мог что угодно взять трудом, а это не возьмет. / Давно он сам себе сказал: / «Зачем себе ты врешь? / Пора понять, что Бог не дал / таланта ни на грош. / Пора, пора напрасный труд / забыть, как страшный сон...» / Но, просыпаясь поутру, / спешит к

тетради он. / И снова мертвые слова / – ни сердцу, ни уму. / Такая выпала судьба / за что? И почему? / «Ну, мне сюда». / В руке рука. / Сказал вполусерьез: / «Давай пожму ее, пока / не задиралась нос». / И, чиркнув спичкой, человек / за поворотом сник. / Я шел один, и мокрый снег / летел за воротник».

Он рассказал мне свою историю, очевидно, по внезапно возникшему настроению. Потом, когда мы встретились и я первый с ним здоровался, он отвечал мне неохотно. Когда через некоторое время состоялся очередной мой вечер, я в числе других стихов прочел и эти. Любцов попросил слова и, выскочив к столу, стал ругать эти стихи, но чем они плохи, не объяснил.

Семинарист

Тогда поэты часто выступали перед рабочими. Случилось такое и у нас в общежитии. Приехали однажды поэты Александр Коваленков, Федор Фоломин и кто-то еще – фамилию не помню. Читали стихи. Наша воспитательница Тамара Андреевна сказала: «А у нас тоже есть поэты».

Я прочел стихи «В сельском клубе», которые гостям понравились. Фоломин, подслеповатый старичок, пригласил меня посещать его домашний кружок, а Коваленков пригласил на семинар,

который он вел в Литинституте. У Фоломина где-то в центре была небольшая комната в коммуналке. Туда по вечерам приходили начинающие поэты, жена Фоломина поила нас чаем, мы читали стихи, но это было малоинтересно, и я туда ходить перестал. А семинар Коваленкова посещал регулярно, отчасти потому, что там появлялась неземная красавица Белла Ахмадулина, на которую я смотрел издали, даже не представляя себе, что могу к ней приблизиться.

Тенго уно палабре

В феврале 1957-го женился и я – на девушке Валентине Болтушкиной со станции Мстера Владимирской области. Наверное, это был самый легкомысленный поступок в моей жизни. Я с Валею познакомился на том же четвертом этаже общежития и, добиваясь ее расположения, пообещал жениться. Утром, встретив меня внизу, она сказала, что не придает моему обещанию никакого значения и освобождает меня от него. Но я вдруг понял, что сам себя освободить не могу: раз обещал – значит, обязан. Верность слову воспитала во мне моя мать. Она часто цитировала какого-то испанского революционера: «Тенго уно палабре» – «давши слово, держу». При полной хаотичности характера в этом я был неукошительно педантичен, как герой рассказа Лескова «Железная воля» Гуго Пекторалис. Женившись, я и без того сложную жизненную задачу усложнил до крайности. Как у других молодых людей, нашей совместной жилплощадью была кровать за занавесками из простыней, а все имущество помещалось в двух чемоданах. Потом, когда у нас родилась дочь Марина, нам дали полкомнаты в том же общежитии. Вся комната была площадью 16 метров. С одной стороны дверь, с другой окно. У окна жил каменщик Аркадий Колесников с женой, двумя детьми и тещей, а возле двери жили я, жена, ребенок и еще время от времени тоже теща. Как мы там помещались, как я мог жить в таких условиях, сейчас даже не могу себе представить. Но как-то жил. Днем работал, вечером писал стихи, а потом и прозу. Между двумя половинами комнаты было что-то вроде тамбура, квадратного, полтора метра на полтора, освещенного голой лампочкой в сорок свечей. Там висела рабочая одежда и валялась разная обувь. Здесь же стоял детский стульчик, в котором моя сидельная часть в те годы еще легко помещалась. Не находя иного спокойного места, садился я на стульчик, ставил перед собою, вместо стола, валенок жены, клал на валенок амбарную книгу в твердом переплете – и уплывал от реальности так далеко, что не замечал хождения соседей и хлопанья дверей со стороны то правого, то левого уха. По ночам, впрочем, писал в более комфортабельной обстановке – на просторной кухне.

Опять фамилией не вышел

По четвергам я ходил в «Магистраль», по вторникам посещал семинары Коваленкова и готовился (больше морально) к поступлению в Литинститут. Я за полгода написал несколько стихотворений, позволявших надеяться, что на этот раз творческий конкурс одолею. Наступил срок подачи документов. Я подал и через некоторое время от кого-то узнал, что конкурс прошел, и даже, как мне сказали, без труда. Но, зайдя вскоре по старой памяти в литконсультацию Союза писателей, услышал от Владимира Боборыкина ошеломившую меня новость: кто-то обеспокоился, как бы в институт не проникло слишком много евреев, и были выбраны, по словам Боборыкина, «десять подозрительных фамилий». Моя, разумеется, попала в десятку. Документы и рукописи передали Коваленкову, и он на всех написал отрицательные отзывы. Это меня уж совсем потрясло. Коваленков, который пригласил меня на свой семинар как подающего надежды!..

У меня был его домашний телефон, и я ему в тот же день позвонил.

– Александр Александрович, – сказал я, – это Войнович.

– Да-да, очень приятно, – отозвался он.

– Надеюсь, вам сейчас будет не очень приятно. Я вам звоню сказать, что вы подлец.

Он не стал спрашивать, в чем дело, или возмущаться: «Как вы смеете!»

Он закричал жалким голосом:

– У вас неверная информация!..

Я повесил трубку и уже сам себе сказал: «Все равно буду поэтом».

Продолжение следует